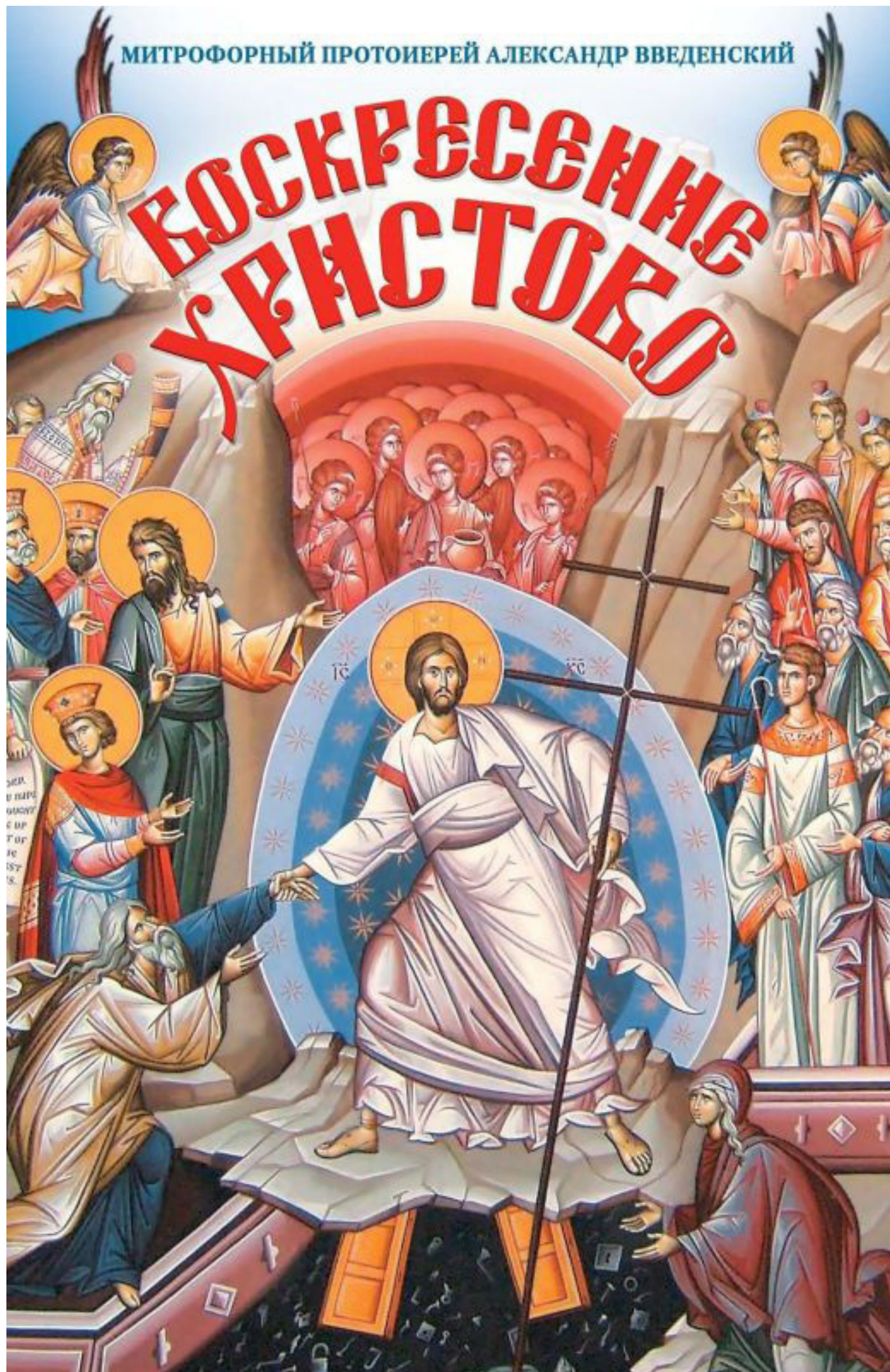

МИТРОФОРНЫЙ ПРОТОИЕРЕЙ АЛЕКСАНДР ВВЕДЕНСКИЙ

ВОСКРЕСЕНИЕ ХРИСТОВО

Александр Введенский

Воскресение Христово

«Сибирская Благовонница»

Введенский А.

Воскресение Христово / А. Введенский — «Сибирская
Благовонница»,

Настоящая брошюра, написанная митрофорным протоиереем Александром Введенским более ста лет назад, обращена к мирянам, сомневающимся в Божественности акта Воскресения Христова. Этим же, по словам автора «сердцем хладных скопцов», он и пытается переубедить.

Митрофорный протоиерей Александр Введенский Воскресение Христово

Когда настает праздник Светлого Христова Воскресения, вся Русь оживает, воскресает духом. Настроение у всех бодрое, веселое. Все радуются, торжествуют, сияют от счастья, непрерывно поздравляют друг друга. Нет ни вражды, ни ненависти, не случается ни убийств, ни других жестоких проявлений злой человеческой воли.

В этот великий день все забывается: и обиды, и оскорбления, и ненависть, и вражда. Душа как бы обновляется в своем существе, черствое сердце как бы смягчается под звуками победной христианской песни, спавшая месяцами совесть как бы пробуждается от сильного и радостного звона пасхальных колоколов. Так светло, так хорошо становится на душе; хочется жить, всех любить, крепко верить и молиться.

Да, великие и святы эти минуты!

Вот только смущают «совоприсники века сего», огромная рать так называемых рационалистов, которые, как «сердцем хладные скопцы», стоят вдали от общецерковного торжества и не могут слиться с нами в одном светлом радостном чувстве.

Напротив, они стараются ослабить наш религиозный порыв, охладить наше восторженное чувство, омрачить сомнениями радость Воскресения Христова. Своими возражениями, своими критическими замечаниями они стараются и в нашей душе заронить искру сомнения и толкнуть нас на путь отрицания, на путь не созидательной, а разрушительной работы.

Посмотрим, как сильно укреплены их боевые позиции, как твердо стоят они на поле сражения, насколько основательны и убедительны приводимые ими аргументы. Посмотрим, смогут ли они сломить нашу веру в Воскресшего Христа, смогут ли убедить нас в правоте своих сомнений и отрицаний и тем самым омрачить радость нашего религиозного торжества?

Одни говорят:

«Нельзя понимать воскресения Христова в том самом смысле, в каком понимаете вы. Такое понимание должно предполагать собою смерть. Между тем мы имеем некоторое основание думать, что Иисус Христос на кресте не умер. Он только впал в глубокий обморок, от которого потом очнулся в прохладной пещере.

Что такие случаи вполне возможны были среди казненных и распятых на кресте, — в этом убеждает нас иудейский историк Иосиф Флавий. Он говорит, что, возвращаясь однажды с похода, он заметил среди многих распятых евреев трех своих близких друзей, которых снял с креста и даровал одному из них жизнь, несмотря на то, что тот довольно долго висел на кресте. Если возможно было вернуть к жизни человека, довольно долго висевшего на кресте, то неужели же Христос, бывший на кресте, всего какой-нибудь день, не мог очнуться в свободной прохладной пещере? Конечно мог».

Мы не разделяем такого рода мыслей. Мы не можем принять версии мнимой смерти Христа. Несостоятельность ее очевидна настолько, что бросается в глаза не только нам, людям веры, но даже противникам христианства.

Давид Штраус, например, насмешливо доказывает несостоятельность вышеупомянутой гипотезы следующим рассуждением: «Если из трех распятых, подававших еще кое-какие признаки жизни, удалось Иосифу Флавию, при самом тщательном уходе за ним, спасти лишь одного, то маловероятно, чтобы очнулся и ожил без ухода за ним один, не подававший никаких признаков жизни».

А Христос действительно не подавал никаких признаков жизни. Напротив, по некоторым признакам можно было догадываться даже о Его смерти. Так, из прободенного ребра потекли кровь и вода. Кровь же, не смешавшаяся с водою, течет из ран только мертвого человека, а не живого.

«Человек с пробитыми ногами, – пишет профессор, доктор медицины А. Шилтов («Мысли о Богочеловеке»), – не только не мог бы пройти на третий день три версты до Эммауса, но с медицинской точки зрения не мог бы стоять на ногах раньше месяца после снятия его с креста».

Наконец, как справедливо замечают сами рационалисты, «несчастный страдалец, полуживой, с трудом выползший из гробницы, нуждающийся в самом внимательном уходе и затем все-таки скончавшийся», – не мог бы произвести на учеников впечатление торжествующего победителя над смертью и могилою.

Ну, хорошо! Для объективности мы допустим, что Христос не умирал, что Он только впал в глубокий обморок, от которого после очнулся в холодной пещере. В таком случае Христос, как чистая и святая душа, должен был бы рассеять ходячие вымыслы, приостановить учеников в распространении подобного рода слухов, разъяснить впавшим в заблуждение происшедшее недоразумение. Сказать вслух для всех людей того времени, что Он не воскрес, а только лишь очнулся от глубокого обморока. Однако ничего этого Христос не сделал.

Напротив, Он благословил апостолов на проповедь о воскресшем Христе. Значит, Он действительно воскрес.

В противном же случае Он никогда не посмел бы прибегать для увеличения Своей славы к нечистоплотным приемам. Это было не в Его духе. Против этого всегда горячо протестовала Его чистая, лишенная лукавства святая душа.

Нет, раздающиеся голоса о мнимой смерти Спасителя на кресте не могут нас смутить. Мы видим всю неосновательность, всю лживость подобного рода речей. Мы твердо знаем, мы веруем, что Иисус Христос умер на кресте. Слышны другие голоса:

«Да, Христос умер на кресте. В этом не может быть никакого сомнения. Но можно думать, что Он не воскрес, но что вскоре после Его смерти похитили тело Его и затем были распушены ложные слухи об Его воскресении. Ведь недаром первосвященники заботились о распространении таких слухов (см.: Мф. 28, 13–15)».

Но кто же мог похитить тело Спасителя Христа? Книжники? Первосвященники? Фарисеи? Не может быть, потому что при первом известии о мнимом воскресении Христа, они, как заинтересованные в подавлении подобного рода слухов, показали бы всем Его труп и этим, бесспорно, положили бы конец всяким толкам, всяким слухам и предположениям. Это во-первых.

Во-вторых, из Евангелия от Матфея видно, что первосвященники и книжники даже боялись подозрения на свой счет в этом деле.

«И сии, собравшись со старейшинами и сделавши совещание, – говорится в Евангелии, – довольно денег дали воинам и сказали: скажите, что ученики Его, пришедши ночью, украли Его, когда мы спали; и если слух об этом дойдет до правителя, мы убедим его и вас от неприятности избавим» (ср.: Мф. 23, 12–14). Если же первосвященники не только не были заинте-

ресованы в разглашении подобной вести о Христе, но даже сильно опасались ее, то ясно, что они взять тела Христа не могли.

Может быть, воины римской стражи похитили Спасителя? Нет, и этого нельзя сказать. Они, прежде всего, совсем не были заинтересованы в этом деле. А затем, при той страшной ответственности, какая царила в римском войске, при том жестоком наказании, какому подвергались воины в данном случае, они никогда бы не решились на столь опасное и рискованное предприятие.

Остается, следовательно, признать, что сами ученики Христа похитили тело своего Учителя и потом распространили слух о Его воскресении.

Но если этого не могли сделать ни книжники, ни первосвященники, ни воины, то апостолы тем более не могли отважиться на это. Люди, объятые страхом и ужасом, трусливо скрывшиеся из Гефсимании, ни в каком случае не могли через несколько часов, среди ночи, на глазах римской стражи, проникнуть в глубь пещеры и похитить пречистое тело Христа Спасителя, да еще находясь в состоянии душевного и телесного изнеможения.

Далее, за проповедь о воскресении Христа апостолов преследовали, мучили, сжигали на кострах, распинали на крестах. Спрашивается, какой же был для учеников расчет прибегать к такому гнусному обману? Затем, как эта ложь могла продержаться столько веков?

«Поневоле спрашиваешь себя, – говорит барон Николаи в своей книге «Может ли современный, образованный и мыслящий человек верить в Божество Иисуса Христа» (СПб., 1909), – неужели эти простодушные рыбаки могли быть такими превосходными актерами, чтобы с величайшим апломбом провозгласить заведомую ложь и затем до самого конца своей жизни ни разу не выходит из своей роли? Неужели ни один из них не протестовал бы против такого обмана? Нет, ложь рано или поздно обнаружилась бы, и такой грубый обман не мог бы долго оставаться скрытым».

Для объективности допустим, что апостолы действительно распространяли ложные слухи о воскресении Христа. Как же, спрашивается, им могли верить? Как этому поверили Мать Христа и Его братья? Последние при жизни Его не верили в Него. Неужели теперь ложь убедила их (см.: Деян. 1, 14)? Как еще мог поверить этой лжи такой умный, самостоятельный мыслитель, как апостол Павел и многие другие?

Совсем непонятно. Наконец, подобного рода предположение можно было бы допустить только в том случае, когда бы апостолы ожидали воскресения своего Учителя. Но в том-то и дело, что они о воскресении Христа даже и не помышляли.

Профессор В. Несмелов говорит, что «когда Христос ходил с учениками до Своего страдания и предвозвещал им о Своем предстоящем воскресении из мертвых, ученики недоумевали и даже не понимали значения этих слов (см.: Мк. 9,10, 31–32)». Неужели же они на третий день после смерти Христа прибегли к такой бессовестной, непонятной и невероятной для еврея выдумке о воскресении Спасителя с расчетом, что им поверят?

Невероятно, но в том и в другом случае придется допустить мысль, что некоторые из учеников были сознательными лжецами и обманщиками.

А эта мысль совершенно ложная. К ней все относятся с большим недоверием. Можно сказать, ее никто не разделяет.

Если даже допустим, что ученики-апостолы похитили останки своего Учителя, то можно с уверенностью сказать, что такой их план оказался бы вполне бесплодным.

Мир не может быть обращен в новую веру подобными обманами и фокусами, проделанными к тому же такими людьми. Чтобы убедить других, надо чтобы проповедник прежде всего сам был бы глубоко убежден в истинности проповедуемой им идеи. Если же в нем самом нет этого убеждения, то других увлечь за собою он никогда не сможет.

Итак, и эти рассуждения наших религиозных противников нисколько не колеблют нашей веры в воскресшего Христа. Как прежде, так и теперь мы твердо, ничуть не сомневаясь, можем

сказать каждому встречному: «Христос воскрес!» И в ответ на это приветствие услышать такое же радостное, полное веры и надежды: «Воистину воскрес!»

Третье возражение. Оно самое распространенное и, нужно заметить, самое ложное. Рассмотрим и его, чтобы вера наша не смущалась под напором современных рационалистических идей и стояла всегда твердо, незыблемо.

Говорят: Иисус Христос умер и не воскрес. А некоторые ученики Его, «по причине своего крайнего возбуждения», увидели призрак Христа и вообразили, что видели Самого Учителя. С тех пор пошли слухи о воскресении Христа.

Иные же писатели, как, например, Ренан, придают больше значение неуравновешенной «истеричной» природе Марии Магдалины, высказывая предположение, что легенда о воскресении исходит от нее.

Разберем по частям это возражение. «По причине своего крайнего возбуждения...» Но ведь апостолы совсем не были в возбужденном состоянии. Напротив, после погребения Христа Спасителя они находились в подавленном состоянии, были убиты горем и ожидали чего угодно, только не воскресения своего любимого Учителя. Спрашивается, чем же объяснить такую перемену от глубочайшей горести к радости и уверенности, которая не покидала апостолов и следовавшими вослед им проповедников истины Христовой до самой смерти, передавалась тысячам других лиц и укрепляла их в страданиях и мученической смерти. И все это – по утверждению атеистов – навеянное явлением эфемерного призрака или даже групповой галлюцинацией, движет всем человечеством, преображая его духовно и не давая сомкнуться кругу зла вот уже третье тысячелетие? Такого быть не может!

«Апостолы и ученики Христа были слабонервные, истеричны...» Напротив, это были здоровые, заматеревшие духовно и физически, здравомыслящие рыбаки, которые не были расположены ни к нервному расстройству, ни к тому, чтобы поверить видениям других людей.

«Они видели призрак Христа...» В Евангелии читаем: «Христос явился ученикам Своим и сказал: посмотрите на руки Мои и на ноги Мои: это Я Сам; осяжите Меня и рассмотрите, ибо дух плоти костей не имеет, как видите у Меня. И сказав это, показал им руки и ноги. Когда же они от радости еще не верили и дивились, Он сказал им: есть ли у вас здесь какая пища? Они подали Ему часть печеной рыбы и сотового меда. И взяв, ел пред ними» (ср.: Лк. 24, 39–43). Разве дух может есть и пить? Разве привидение можно осязать руками? Конечно нет.

Следующее возражение. Оно самое слабое из всех доселе разбиравшихся возражений. Тем не менее и его подвергнем критической оценке, чтобы у людей не возникало никаких сомнений и недоумений насчет основной христианской истины.

Говорят, что в воскресении Христа было только воскресение Его души, а телесного воскресения вовсе не было.

Но ведь это абсурд. Евангелие говорит о воскресении тела, а не духа. Это во-первых. Во-вторых, душа наша и при смерти и при убийстве тела не умирает; следовательно, о воскресении духом и речи не может быть. Душа не воскресает, потому что она не умирает. И потому если Христос воскрес, то только плотию.

Остается последнее возражение.

Гордость немецких богословов и крупный авторитет церковно-исторической науки XX века А. Гарнак так объясняет факт воскресения Христа.

«Пустого гроба не было. Несколько женщин и учеников заглянули во гроб и ошибочно подумали, что он пуст. Хотя никто хорошенько не видел, чтобы тело Христа сдвинулось с места своего упокоения. Эта ошибка естественно повела к вере, что Иисус Христос воскрес, и эта вера стала вскоре проявляться в видениях, которые, в свою очередь, воздействовали на веру, делая ее все более сильной и несомненной и давая ей кажущееся обоснование. Отсюда о пустоте гроба постепенно забывали ученики, да она и потеряла для них свое значение. Важнее

всего для них, и особенно для апостола Павла, было не состояние, в котором найден был гроб, а “явления” Христа».

Говоря конкретнее, сущность теории Гарнака может быть выражена в следующих словах. Несколько женщин увидели пустой гроб. Решили, что Христос воскрес, рассказали о чуде и потом не догадались или не сочли нужным еще раз прийти к опустевшему гробу.

Но и эта очередная теория не сможет поколебать нашей веры в воскресение Христа. Слишком уж она проста, груба и очевидно домыслена.

Евангелист Иоанн повествует, что Симон Петр «вошел во гроб», и сам он после «вошел во гроб», но никого и ничего кроме плата не было там.

Как же после этого можно говорить, что «несколько женщин и учеников заглянули во гроб и ошибочно подумали, что он пуст»?

Ведь такого рода речи и рассуждения наших современников идут против показаний главных очевидцев – современников тех событий!

Нет, такие натяжки верующих не смутят. Воскрес, воскрес Христос! Воистину воскрес!

Подводя итог всему вышесказанному, мы должны признать, что ни обман, ни самообман учеников никогда не мог привести к таким дивным и долговечным последствиям. Поневолле приходишь к выводу, что так называемые «естественные объяснения» факта воскресения Христа требуют больше веры (это мы уже обсудили), чем даже евангельское изложение этого события.

Брат христианин! Ты видишь, что истина воскресения Христа стоит твердо, незыблемо, посему не смущайся огромной толпой «совопросников века сего», веруй твердо, и всем встречающим тебя в эти великие и святые дни говори твердо и убежденно: «Христос воскрес!»

Доселе мы говорили, что враги нашей веры заблуждаются, что все их объяснения ложны, натянуты, не выдерживают ни малейшей критики и так далее.

Ну, а мы сами? Не ошибаемся ли мы? Каково оправдание нашей веры? Насколько непоколебима наша убежденность воскресения Иисуса Христа? Другими словами: почему мы думаем и верим, что Христос воскрес?

А вот почему.

Прежде всего, Сам Спаситель говорил о Своем воскресении. Говорил не один раз, а несколько раз. Говорил не прикровенно, не притчами, а прямо, ясно, вразумительно.

Так, во время пребывания в Галилее, Христос сказал Своим ученикам: *Сын Человеческий предан будет в руки человеческие, и убьют Его, и в третий день воскреснет* (Мф. 17, 22–23).

После исповедания Петра Иисус Христос начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту и в третий день воскреснуть (Мф. 16, 21; Лк. 9, 22; Мк. 9, 31).

После Преображения, когда ученики сходили с горы, *Иисус запретил им, говоря: никому не сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых* (Мф. 17, 9).

Об этих словах напоминали ученикам и ангелы, когда, явившись им по воскресении Христа, сказали: *Его нет здесь: Он воскрес; вспомните, как Он говорил вам, когда был еще в Галилее, сказывая, что Сыну Человеческому надлежит быть предану в руки человеков грешников, и быть распяту, и в третий день воскреснуть* (Лк. 24, 6–7).

Итак, Христос неоднократно говорил о Своем воскресении из мертвых. Как же не доверять Ему? Какое мы имеем право подвергать сомнению Его пречистые слова? Разве Он когда-нибудь неправду говорил? Разве обетования Его не сбылись? Пророчества не исполнились? Разве не оправдал Он когда-нибудь Своих слов?

Ничего подобного. Напротив, свершилось все, глаголанное Им. Ни одна буква, ни одна йота не остались неоправданными на деле.

Значит, мы не вправе сомневаться и в данном случае. Мы должны верить, что Христос воскрес, ибо Он об этом говорил, а слова Его всегда исполнялись.

Далее, мы веруем в воскресение Христа потому, что после действительной смерти Его видели воскресшим. Видели несколько сот учеников, видели жены-мироносицы, видел сомневавшийся в Его воскресении, а после встречи со Христом уверовавший апостол Фома, видели многие другие. Видели и свидетельствовали. Как же нам не внять их благовестию? Как не поверить им, когда все заставляет нас верить? И предания, и писания и плоды воскресения?

Например, без факта воскресения не имел бы достаточного основания необычайный энтузиазм апостольской общины и вообще вся первоначальная история христианства представляла бы собою ряд невозможностей. Воскресение Христово, говорит Пфеннигсдорф, «образует исходный пункт для новой жизни в сердцах учеников. Оно превращает их печаль в необычайную радость. Павшим духом внушает мужественную решимость и из бедных рыбаков делает мировых учителей и проповедников. Ни один факт не оставил столь глубоких следов в истории, как этот. Без него мы не имели бы христианства и никакой христианской культуры.

История Запада приняла бы совершенно другое направление. Без живых сил христианской веры древний мир разложился бы, и без дисциплины Церкви христианско-германское образование никогда не было бы возможно. Мы не можем верить, чтобы мнимое воскресение могло принести с собою преобразование человечества – столь великое и доброе. Вера в Божественное управление требует того, чтобы воскресение Христа не было чем-либо кажущимся только, но было истиною. Мировая история иначе не была бы более судом над миром».

Затем, без воскресения Христова немислимо объяснить того перелома, какой произошел в душе апостолов. Ведь апостолы и ученики Христа до последнего момента не знали, зачем приходил Божественный Учитель, не понимали

Его учения, предостерегали Его от ожидающих Его страданий. И все слова Христа истолковывали в земном, материальном смысле. Даже пред самыми Своими страданиями, когда Господь заговорил о том, что Сын Человеческий предан будет первосвященникам и книжникам, и осудят Его на смерть, и предадут Его язычникам, и поругаются над Ним, и оскорбят Его, и оплюют Его, и будут бить Его, и убьют Его, то ученикам, говорится в Евангелии, трудно было отказаться от своей мысли о земной славе Христа, и потому они ничего не поняли из сказанного (см.: Лк. 18, 31–34). И вдруг через какие-нибудь три дня, не более, они все поняли, все уразумели, постигли учение Христа так глубоко, как, может быть, никому из наших современников не удавалось постичь. Стоит только отвергнуть воскресение Христово, и этот перелом будет совершенно непонятен и необъясним. С признанием же этого чудесного факта все для нас будет просто, ясно и доступно.

Наконец, психологические данные требуют и оправдывают это чудо из чудес.

Хорошо об этом говорит Вл. Соловьев. Смерть, по его мысли, есть распад тела в результате того, что слабый, мертвый дух не может поддерживать распадающуюся связь элементов организма.

Но если взять сильный дух, управляющий всецело телом, то распад будет невозможен. Живая сила духа, который, в сущности, и творит самое тело, будет вечно обновлять жизненные ткани.

Потому и смерть Иисуса Христа невозможна. Он не мог не воскреснуть.

Если сила физическая неизбежно побеждается смертью, если умственная недостаточна, чтобы победить смерть, то беспредельность нравственной силы дает жизни абсолютную полноту, исключает всякое раздвоение и, следовательно, не допускает окончательного распада живого человека на две отдельные части: бесплотный дух и разлагающееся вещество. Распятый Сын Человеческий не имел пределов для Своей духовной силы, и никакая часть Его существа не могла остаться добычею смерти.

«Я лично, – заключает далее Вл. Соловьев, – с тех пор, как признаю, что история мира и человечества имеет смысл, я отбросил и малейшее сомнение в воскресении Христа, и все возражения против этой истины своею слабостью только подтверждают мою веру...»

То же самое может сказать и всякий христианин, верующий в воскресение Христа. Для него все рационалистические гипотезы и теории только показатель высоты «пробы» веры. Они не столько разрушают нашу веру, сколько подтверждают ее.

Но почему же так приятно, так отрадно бывает нам в светлые дни Христова Воскресения? Что собственно сообщаете нам эту радость? Что придает нашей душе столько бодрости, столько света, столько счастья? Почему таких восторженных минут мы не переживаем ни в один из других двенадесятых праздников, а только в дни Святой Пасхи?

Потому, вероятно, что ни один из христианских праздников не имеет для нашей веры и для нашей жизни такой огромной силы, такого великого значения, как Святая Пасха. Воскресение Христово есть прежде всего торжество веры, торжество правды, торжество жизни, торжество прогресса, торжество бессмертия. «Если Христос не воскрес, – пишет проф. Булгаков, – то тщетна вера наша, тщетна история, тщетен прогресс, тщетна культура, – все тщетно, все тлен, все бессмыслица».

Почему же воскресение Христа есть торжество нашей веры?

Потому, что христианство основано главным образом не на любви к ближнему, как обыкновенно думают. Эта любовь есть в законе Моисеевом и у всех древних учителей мудрости, от Сократа до Марка Аврелия, от Конфуция до Бодисатвы, – а основано оно на факте воскресения Христа. Если Христос воскрес из мертвых, то Он не такой смертный, как мы.

Если же Он не воскрес, то Он, конечно, только человек, а не воплощение Божества. Если Он не воскрес, то мы вправе подвергнуть сильнейшему сомнению все Его чудеса, все то, что Он говорил о Самом Себе, все то, что обещал послать людям.

Если же Он воскрес, то это есть чудо из чудес, перед которым бледнеют все другие евангельские чудеса, к принятию которых не представится тогда уже никаких затруднений. Такое значение придавал воскресению Спасителя Христа и апостол Павел. Он писал в своем Послании к Коринфянам: *Если Христос не воскрес, то и проповедь наша тщетна, тщетна и вера наша* (1 Кор. 15, 14).

Такое же значение придают рассматриваемому нами евангельскому факту и рационалисты. Давид Штраус, например, пишет в своем сочинении «Старая и новая вера»: «Сколько бы Иисус ни учил и ни осуществлял в Своей жизни все истинное и доброе, – все Его учение рассеялось бы, как листки бумаги по ветру, если бы слепая вера в воскресение Христа не сохраняла и не связывала эти листы грубым и прочным переплетом».

Если же воскресение Христа есть основание нашей веры, то как не радоваться, как не ликовать в день Святой Пасхи, когда чувствуешь сердцем, всей душой, что вера наша истинная, что основа ее непреложная, что мы не будем посрамлены в нашем уповании? Как не радоваться тому, что мы владеем истиной? Как не торжествовать в дни полного расцвета нашей веры? Почему не сиять нам от счастья, когда Христос воскрес? Нет, «сей день, его же сотвори Господь, возрадуемся и возвеселимся в оный».

Воскресение Христа есть торжество не только веры, но и правды вообще.

Если Христос не воскрес, то мы вынуждены были признать нечто ужасное, не натуральное; именно, что фарисеи, книжники и иудейские первосвященники были правы, Сын же Человеческий был не прав. Почему? Потому, что право на Свое Божеское достоинство Христос основывал перед ними на том, что Он воскреснет в третий день. Если посему Христос воскрес, то Его свидетельство истинно, если же нет, то Он – обманщик.

Более того, мы должны признать, что мучительное чувство богооставленности, которое на мгновение коснулось души Висевшего на кресте, было не справедливо, а следующий за ним светлый, радостный взор кверху, был глупостью. На Его молитвенное воззвание:

Отче, в руце Твои предаю дух Мой Бог должен был бы ответить: «Погибни». Ему, посвятившему всю Свою жизнь на исполнение воли Божией, на служение Богу, в качестве воздаяния был бы ниспослан тот же жребий, как и хулившему Его злодею. Возвышенное упование

должно было бы быть с жестокостью отвергнуто. Фарисеи победили, и Бог был при сем и подтвердил эту победу.

Стоит только отвергнуть воскресение, нужно будет отвергнуть и Праведного, Святого Бога, нельзя более верить в победу правды и добра в этом мире, если Иисус Христос так же погиб, как и Иуда.

Один немецкий мыслитель, Гильберт, со свойственной ему живостью ума и с большим подъемом веры и чувства, так писал по данному вопросу:

«Какая может быть речь о победе вообще над злом, над неправдой, когда Христос не воскрес?»

Если эта всесовершенная нравственная Личность без всякого пятна и порока, чистая и бесконечно великая и сильная по Своей бескорыстнейшей любви – побеждена ненавистью, подавлена грешными и недостойными людьми, потерпела самую жалкую неудачу в Своих идеальных стремлениях; если этого чистейшего и боголюбивого Сверхчеловека, находившегося в таком искреннем общении с Владыкою мира, как сын с своим отцом, и Ему одному служившего – осудили несправедливым судом, замучили, опозорили, распяли и умертвили на кресте, и Бог не обнаружил никакого сострадания к Нему, не уничтожил преступников за пречистую кровь, то, значит, нет правды на земле, нет ничего чистого и святого в этом грешном, грязном и пошлом нашем мире.

Если победили Каиафа и Иуда, то уничтожен самый принцип правды. Тогда добро бесильно и никогда не сможет неправды одолеть. Тогда зло – законный царь жизни. Если крест есть конец жизненного пути Христа, то не имеем ли и мы право обратиться к Распятому с вопросом: «Где же Твой Бог?»

На кресте торжествует зло над воплощенным Добром, ложь над Истиною, пошлость над Величием, низость над Чистотою, самолюбие и ненависть над Любовью и Бескорыстием. Величайшая нравственная сила сокрушена, нравственный идеал уничтожен. Кто же после всего этого может еще искренне верить в последнюю победу добра и правды? На кресте, если за Ним нет воскресения, превращен в ничто весь нравственный миропорядок, а вместе с ним и вера в любовь и правду Божию. Если Господь не спас Христа – эту недостижимую высокую Личность, Святейшего из святых, – то кто же еще может ожидать от Бога спасения своей нравственной личности? Кто еще может верить в Бога? – Никто. Решительно никто».

«Если Христос не воскрес, – пишет светский писатель, Мережковский, – то тщетна вера наша. И не только вера, но и надежда, и любовь. Если Христос не воскрес, то Он достойно распят, ибо Он обманул человечество величайшим из всех обманов, утверждая, что Бог есть Отец Небесный: Бог, допустивший уничтожение такой Личности, Которой весь мир не стоит, – не Отец, не Бог; и весь мир – насмешка дьявола над человеком, вся природа – безумие, проклятие и хаос».

Если Христос воскрес, значит правда и добро оказались могущественнее зла. Тогда Его воскресение есть твердое ручательство как в спасении своей нравственной личности, так и в окончательной победе правды на земле. Тогда можно верить, что есть Бог, есть правда, есть добро!

Воскресение Христово является еще торжеством общечеловеческой идеи бессмертия, которая присуща христианскому учению в большей степени, чем какой-нибудь другой религии.

Мы знаем, что если бы кто-нибудь, хотя бы один из всех людей, живших на земле, не умер или вернулся бы из смерти в жизнь, то закон смерти был бы навеки упразднен в своей непобедимости. Упразднен не только для Того единственного, Кто победил смерть, но решительно для всех людей, подверженных смерти: для Него эта победа совершилась бы в действительности, для остальных в возможности.

Но одна возможность иного порядка навеки уничтожает абсолютную реальность существующего порядка. Как утверждение небытия возможно лишь в том случае, если закон смерти

непобедим, так отрицание бытия невозможно, если этот закон побежден хотя бы жизнью одного существа из всех когда-либо живших в мире.

Как бессмертие всех упразднилось бы смертью одного, так смерть всех упраздняется бессмертием одного. Если бы люди знали, что один из них умер и воскрес, так же точно и неотразимо, как они знают, что все жившие умерли, то это знание преобразило бы весь человеческий мир – внешний и внутренний, созерцательный и деятельный – науку, искусство, нравственность, пол, общественность – все до последней клеточки нашего организма, до последней отвлеченности нашего мышления» (из книги Д. Мережковского «Не мир, но меч»).

Мы верим, что Христос воскрес. Мы верим, что Его воскресением упразднена смерть, а бессмертие восторжествовало. И вера эта наполняет наши души в день Святой Пасхи невыразимой радостью и восторгом. Мы чувствуем в себе какую-то бодрость, какой-то неиссякаемый родник духовной силы. Посему у нас на лице столько счастья, а в душе столько блаженства.

Если Христос воскрес, если бессмертие восторжествовало, то вместе с сим человечеству открывается смысл жизни, проясняется великая мировая проблема, указывается давно искомая цель, сообщаются новые силы и радости бытия.

Если же Христос не воскрес, если конец всему – непобедимая смерть, тогда нет смысла в жизни, тогда все пустота, ничему нет оправдания. Тогда вполне справедливы следующие рассуждения И. Л. Смоленского, написавшего в духе Бодлера статейку под заглавием «Мысли моего труда»:

«Я в гробу. Черви гложут мое тело, а крот тихо роет свой тоннель над моей могилой. Страшная, бессмысленная тишина...

Стоило ли столько лет мыкаться по белу свету для того, чтобы в конце концов попасть в это ужасное место?

Стоило ли затрачивать ту массу энергии, которую пришлось затратить в жизни мне, чтобы в конце концов лежать неподвижной, разлагающейся фигурой под тяжестью толстого слоя холодной земли?

Стоило ли испытывать то огромное количество нравственных и физических мук, которые пришлось переиспытать мне на протяжении моей жизни, чтобы в результате попасть в беспощадные руки Смерти – этого единственного реального божества, – которая злорадно опустила меня в беспросветную тьму могилы?

Какой смысл в этих нестерпимых, чисто физических страданиях, непосредственно предшествующих моменту смерти? Кому и какая от этого польза?

Какую непонятную нам цель преследует природа в этом диком процессе разложения?

Для чего я и многие другие смертные старались скапливать в своем мозгу на протяжении всей своей жизни этот запас сведений, это богатство знаний?

Неужто для того, чтобы безвозвратно все погибло? А еще говорят, что ни один вид энергии не пропадает в природе. По-видимому, это большое заблуждение. Я изучил десять языков, я прошел высшую школу, я работал над многими вопросами человеческого знания, затративши на все это соответственное количество нервной энергии. Теперь мой труп в гробу. Куда же делась и во что обратилась вся эта масса затраченного мною труда?

Она пропала, безвозвратно погибла. Разве это не обидно? Разве не больно человеку сознавать, что весь его умственный багаж, накопленный столькими трудами во время жизни, все его мысли, чувства, желания, всё его «Я» бесследно исчезает, безвозвратно погибает, попадает в какое-то небытие, в какую-то нирвану?..

И вот теперь мой труп лежит в холодном смраде собственного разложения. Страшная тишина этой постоянной ночи иной раз нарушается работой червей, подтачивающих гроб и мой труп. Несчастный труп!

Прошло некоторое время. Громадный червяк вполз в мою левую ноздрю и, с трудом пробираясь сквозь набухшую, полуразложившуюся слизистую ткань, достиг нервного вещества

головного мозга. Достиг и начал все глубже и глубже внедряться в него, выедавая постепенно и те божественные участки моего мозга, в которых хранились драгоценности накопленного мною при жизни знания. Классическое место моего организма, седалище моей души, которым я думал, которым желал, которым чувствовал, – это место, эта драгоценная нервная ткань, – оно наконец стало добычей ужасных червей.

Стоит ли рождаться на свет, стоит ли жить, стоит ли работать после всего этого?»

Эти мысли особенно резко предносятся нашему сознанию при виде смерти Спасителя на кресте.

«Слушай, – говорит в своем пророческом исступлении пред самоубийством Кириллов своему «черту», Петру Верховенскому, – слушай большую идею: был на земле один день, и в середине земли стояли три креста. Один на кресте до того веровал, что сказал другому: «Будешь со Мною в раю». Кончился день, оба померли, пошли и не нашли ни рая, ни воскресения. Не оправдалось сказанное. Слушай: этот человек был высший на всей земле, составлял то, для чего ей жить. Вся планета, со всем, что на ней, без этого человека – одно сумашествие. Не было ни прежде, ни после Ему подобного, и никогда, даже до чуда. В том-то и чудо, что не было и не будет такого же никогда. А если так, если законы природы не пожалели и *этого*, даже чудо свое не пожалели, а заставили и Его жить среди лжи и умереть за ложь, то, стало быть, вся планета есть ложь и стоит на лжи и глупой насмешке. Стало быть, самые законы планеты ложь и дьяволов водевилей. Для чего же жить тогда, отвечай, если ты человек?» (слова Достоевского).

Или как говорит философ В. Соловьев: «Если бы Христос не воскрес, если бы Каиафа оказался прав, а Ирод и Пилат – мудрыми, то и мир оказался бы бессмыслицей, царством зла, обмана и смерти. Дело шло не о прекращении чьей-то жизни, а о том, прекратилась ли истинная жизнь, жизнь совершенного праведника» (В. Соловьев «Пасхальные письма»).

Вот в какие тупики попадает человеческая мысль при отрицании воскресения Христова. Вот к каким печальным выводам должны придти люди, отвергающие этот кардинальный догмат нашей веры.

Итак, если Христос не воскрес, тогда, как говорит Достоевский, – антропофагия, людоедство.

Если же Христос воскрес, с Ним все воскресает, все исполняется света, смысла, добра и надежды.

Если Христос воскрес, тогда, значит, мы все воскреснем, ибо слово Божие говорит: *Ныне Христос возста от мертвых, начаток умершим бысть* (1 Кор. 15, 20). Если же мы воскреснем, значит, есть загробная жизнь, есть воздаяние, есть праведный Судия, есть потусторонний мир, к которому мы должны приготовиться здесь, на земле, и где *Господь коемуждо воздаст по делу его* (Рим. 2, 6).

Тогда и земная жизнь получает свой смысл и свое значение. Тогда и смерть не страшна, ибо она есть переход к другому, новому, высшему миру. Тогда и добродетель имеет свой конец. И порок – возмездие. И преступление – наказание. Вера и надежда – оправдание.

Мы, христиане, твердо верим в воскресение Христа, и потому в день Святой Пасхи у нас так светло, так радостно на душе.

И все полно торжественной хвалою,
И солнце льет лучи свои с небес,
И носится тогда над радостной землею
Победный клик: Христос, Христос воскрес!

(Н.П. Аксаков)

Наконец, воскресение Христово есть торжество человеческого прогресса, человеческой культуры.

Ведь если Христос не воскрес, то нет никакого смысла в прогрессе. Прогресс обесценивается, теряет свою силу, становится пустым словом. В самом деле, к чему тогда вся эта лихорадочная, непрерывно текущая мировая работа? Какой толк в ней? Какому Богу приносятся в жертву и жизнь, и здоровье, и покой, и свобода? И во имя чего все эти скорби, унижения, падения, слезы, плач и скрежет зубов?

Говорят, во имя спасения человечества, во имя будущего, когда наступит рай земной, когда не будет на земле ни страданий, ни мучений, когда будет одно сплошное «благоденственное и мирное житие».

Но позвольте, как справедливо заметил в «Подростке» Ф.М. Достоевский:

«...Зачем я непременно должен любить моего ближнего или ваше там будущее человечество, которое я никогда не увижу, которое обо мне знать не будет и которое, в свою очередь, истлеет без всякого следа и воспоминания, время тут ничего не значит, когда земля обратится, в свою очередь, в ледяной камень и будет летать в безвоздушном пространстве с бесконечным множеством таких же ледяных камней, то есть бессмысленнее чего нельзя себе представить? Вот ваше учение. Скажите, зачем я непременно должен быть благороден, тем более, если все продолжается одну минуту?

Один чрезвычайно умный человек говорил, между прочим, что ничего нет труднее, как ответить на вопрос: “Зачем непременно надо быть благородным?” Видите ли-с, есть три рода подлецов на свете: подлецы наивные, – то есть убежденные, что их подлость есть величайшее благородство, подлецы стыдящиеся, – то есть стыдящиеся собственно подлости, но при непременном намерении все-таки ее докончить, и, наконец, просто подлецы, чистокровные подлецы. Позвольте-с: у меня был товарищ Ламберт, который говорил мне еще шестнадцати лет, что когда он будет богат, то самое большое наслаждение его будет кормить хлебом и мясом собак, когда дети бедных будут умирать с голоду; а когда им топить будет нечем, то он купит целый дровяной двор, сложит в поле и сожжет там же, а бедным ни полена не даст. Вот его чувства! Скажите, что я отвечу этому чистокровному подлецу на вопрос: почему он непременно должен быть благородным? И особенно теперь, в наше время, которое так переделали, потому что хуже того, что теперь, никогда не бывало. В нашем обществе совсем не ясно, господа. Ведь вы Бога отрицаете, подвиг отрицаете, какая же косность, глухая, слепая, тупая может заставить меня действовать так, если мне выгоднее иначе? Вы говорите: “в разумном отношении” к человечеству есть тоже моя выгода; а если я нахожу все эти разумности неразумными? Да черт с ними и до будущего, когда я один только раз на свете живу. Позвольте мне самому знать мою выгоду; оно веселее; что мне за дело до того, что будет через тысячу лет с вашим человечеством, если мне за это, по вашему кодексу, – ни любви, ни будущей жизни, ни признания за мной подвига? Нет-с, если так, то я самым пренебрежительным образом буду жить для себя, а там хоть бы все провалиться».

И это не единичные голоса. Такого рода речи и рассуждения раздаются везде. Вот, например, у одного индусского подвижника Суоми Вивеконанда мы находим такие же точно мысли.

«Если жизнь есть только нечто маленькое, пятиминутное, – говорит он, – если вселенная есть только случайное соединение атомов, то почему я должен делать добро другим? Зачем нужно милосердие, справедливость, сочувствие? Самое лучшее, к чему надо было бы стремиться в этом мире, – было бы “убирать сено каждому для себя, пока солнце светит”.

Если нет надежды на будущее, зачем я стану любить моего брата, а не перережу ему горло? Если нет ничего дальше, а есть только неумолимые, бездушные законы, я должен бы стараться только сделать себя счастливым здесь. Вы встретите людей, которые говорят в настоящее время, что для них основанием всей нравственности служат соображения о пользе. Что это за основание? Доставить наибольшее количество счастья наибольшему числу? Но зачем я стану это делать? Почему бы мне не причинить самое большое несчастье наибольшему числу, если это служит моим целям?

Если пользой считается наибольшее количество счастья, то моя польза заключается в том, чтобы быть эгоистом. Я могу достичь наибольшего счастья, обманывая и губя других» («Философия йога»).

И действительно, если наша жизнь прекращается смертью навсегда, тогда один исход остается для всех. Именно: жить для себя, в свое полное удовольствие, жить за счет других, за счет их радостей, здоровья, счастья, покоя и свободы.

Так именно теперь неверующие и живут:

По крови и трупам, друг друга давя,
Куда-то стремится народов семья...

Ну, хорошо. На время согласимся с тем, что все свои труды, заботы, страдания мы должны принести в жертву будущему человечеству. Но ведь будущие люди не смогут принять от нас этого драгоценного подарка. Будущие люди с более чуткой совестью, с более развитым чувством общечеловеческой солидарности и любви будут терзаться от сознания, что их благополучие куплено такою дорогою ценою, и тогда они в тысячу раз несчастнее нас и уж совершенно не годятся для роли увенчивающих мировую историю счастливых будущего. Потому что всякий должен был бы тогда сказать, как Иван Карамазов: «Зачем эта гармония, когда в ней не примут участие те, кто ее создал, когда им никогда не дадут белых одежд и веток пальмовых? Говорят, что все должны страдать, чтобы купить вечную гармонию. Но зачем тут дети и их страдания? Отказываюсь от всякой гармонии, если она стоит так дорого. Не стоит она слезинки, хотя бы одной только той девочки с Гай-Маркета. Не стоит, потому что слезинки остались неискупленными, невознагражденными. Не хочу гармонии, из любви к человечеству не хочу. Слишком дорого оценили гармонию, не по карману. Я не могу столько платить за гармонию. И потому я свой билет на вход спешу возвратить Ему обратно.

Не Бога я не принимаю, Алеша, я только билет почтительнейше Ему возвращаю».

Возможен, правда, другой ответ и другой исход из этих противоречий. Возможно, что будущее поколение обо всем позабудет, все припишет себе самому. Но тогда мы имеем просто свинство, отталкивающее безобразие, при одной мысли о котором мутит и тошнит, при мысли, что ради мещанского довольства и благополучия этих господ была заплачена такая цена, пролита была мученическая кровь.

«Нет, идея прогресса, – пишет в своей книге «Интеллигенция и религия» профессор политической экономии С. Булгаков, – не дает и не может дать исхода из трагических противоречий жизни, человек не может спастись от них в прогрессе».

Только в признании истины, что за крестом следует воскресение, что Христос воскрес, – решение всех «вечно тревожных и страшных» вопросов. Христос победил смерть, победил страдание. Если так, то наше служение ближним – не работа Сизифа или данаид, наполняющих бездонную бочку без всякой надежды сделать человека действительно счастливым, а соучастие в работе Христовой, которая должна закончиться в Царстве любви и славы Божией. С этой точки зрения страдать с ближними и для ближних, сострадая, отдавая им жизнь, – значит закладывать камни действительного и вечного счастья на земле (Еп. Михаил «О вере и неверии»). Только та уверенность, что страдания на земле готовят нас и ближних наших к блаженной жизни с Богом, что будущее не только заставит страдальцев забыть прошедшее, но и заставит благословлять эти муки прошедшего как путь к радости и счастью, только эта уверенность окончательно примирит нашу мысль с засильем страданий на земле.

Итак, в воскресении Христа решался вопрос о смысле мира, жизни, истории, о правде мира. Без него всё как бы умерло, и с Ним все воскресает, исполняется света и смысла, становится светоносным, даже теория прогресса, которую теперь человечество отгораживает от религии, получает высший смысл и значение.

Вот почему так легко, так отрадно и светло бывает на душе в день Святой Пасхи. Вот почему пасхальный звон всегда звучит так торжественно и дивно. Вот почему в этот великий и светлый день больше, чем когда бы то ни было, хочется жить, верить, всех любить и молиться. Христос воскрес!

Но мы видим уже, как против нас выдвигается главный логический идол нашего времени – «научность», перед которой пасуют, преклоняют свои колени многие, даже смелые, умы. Мы слышим хриплый, металлический, мертвый голос ее оракулов, безапелляционно изрекающих: как можно говорить о воскресении, о чудесах, вообще о таких вещах, которые давно упразднены наукой и отнесены к числу отживших суеверий?

В ответ на это последнее возражение мы приведем слова православного публициста Мейера, встреченные нами в журнале Министерства народного просвещения. Нижеприводимые слова как нельзя лучше и удачнее опровергают несправедливость этого атеистического утверждения.

«В религиозных верованиях играет огромную роль идея чуда, которую нельзя истолковать как попытку объяснить какое-либо явление природы. Чудо всегда понималось как нечто необычное, возможное лишь для каких-то сверхчеловеческих сил. Поэтому, когда дело идет о веровании в чудо, научная критика теряет свою силу. Говорят, будто наука доказала невозможность чудес. Но ведь всякий раз, когда наука доказывает невозможность того или иного чуда, то есть указывает на нарушение в данном чуде так называемых законов природы, она только подтверждает, что данное чудо – действительно чудо. Но возможно ли вообще то, что невозможно с точки зрения законов природы? “Где пожелает Бог, там нарушается порядок природы, ибо Он творит, что благоуизволит” (Великий канон святого Андрея Критского).

Научное описание явлений природы не мирится, конечно, с чудом. Наука перестала бы быть наукой, если бы она отказалась от идеи закономерности. Это ее регулятивный принцип. Но научное описание не охватывает полностью всей реальности. Если бы это было так, чудо, конечно, было бы немыслимым. На самом же деле наука не может себе ставить таких задач, и то, что не вмещается в рамки научного описания, строго говоря, не должно рассматриваться как абсолютно невозможное. Наука, таким образом, устраняет чудо не из реальности, а из своего описания реальности».

Если, таким образом, наука не может вообще отрицать чуда, то истину воскресения она тем более не может отрицать, потому что это чудо из чудес.

Трезвонят... Христос воскрес!.. Христос воскрес!.. Вы верите? Нет?

А я верю! Я верю! Это так широко, так смело, так полно глубокого таинственного смысла... Говорят: будет время, и земля обледенеет и, как ледяная могила, будет носиться в пространстве... Но отчего же так хочется жить? Отчего так хочется мечтать и верить, что это вздор, призраки и только?..

Смерть не берет всего. Все разумное, светлое, бессмертное остается... Оно все больше и больше осаждается на земле, как иней, и будет время, – вся земля проснется в одно утро разумною, светлою, бессмертною... *Христос воскрес* — это запев к той нескончаемой жизни.

Такой звонкий, красивый, вдохновенный запев. Он поднялся над землею рано, еще вся земля спала и не мечтала об иной жизни.

Он прозвенел неожиданно, смело, чарующе и поманил туда, в даль, в иные, края... Пусть люди не верят, а он звенит.

Он будит тоску по иной жизни, он зовет... И если когда-нибудь люди совсем перестанут верить в него и он не поднимется больше к небу в пасхальную ночь, это будет означать, что земля уже обледенела и бессмысленно носится в пространстве...

Пусть звонят колокола! Пусть бьют в набат! Это – протест человечества против своего одиночества, смерти, бессмысленности... Это вера, милая, детская, трогательная вера в свою весну, в свои солнце, цветы, ласки, когда человечество узнаете все, найдет счастье и отдохнет...

Христос воскрес!

